

Александр Грин

Синий каскад Теллури

Александр Грин

Синий каскад Теллури

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=623375

Аннотация

«Рег соскочил с лошади. Впереди, у темных бараков, слышался мерный топот солдатских шеренг. На мгновение все стихло, затем хриплый голос прокричал что-то стремительное, жесткий треск барабана ответил ему резвой дробью. В промежутке между барабаном и голосом Рег бросил взгляд на прозрачную мглу залива. Гаснущий круг солнца освещал линию горизонта. Заиграли горнисты...»

Содержание

I. Вечерняя тишина	4
II. Бакалея Соррона	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Степанович Грин Синий каскад Теллури

І. Вечерняя тишина

Рег соскочил с лошади. Впереди, у темных барачков, слышался мерный топот солдатских шеренг. На мгновение все стихло, затем хриплый голос прокричал что-то стремительное, жесткий треск барабана ответил ему резвой дробью. В промежутке между барабаном и голосом Рег бросил взгляд на прозрачную мглу залива. Гаснущий круг солнца освещал линию горизонта. Заиграли горнисты.

От первых звуков металлической мелодии бесстрастных, как тишина вечера, рожков лошадь Рега вздрогнула и попятилась. Он машинально гладил ее вспотевшую спину; проехать было нельзя; дорога, занятая солдатами, беспокойно звала его одолеть последние сотни шагов и встать лицом к цели.

Измученный бессонной ночью, проведенной на лошади, Рег слушал игру горнистов. Это была странная поэзия солдатского дня, элегия оставленных деревень, меланхолия хорошо вычищенных штыков. Последний раз ударили бараба-

ны, и к Регу подошел офицер.

– Добрый вечер, – сказал он, чиркая спичкой, чтобы одновременно закурить сигару и осветить лицо проезжего. – Хотите держать пари?

– На что? – спросил Рег.

Офицер показался ему назойливым: он раскуривал сигару у самых колен Рега, вяло подбоченившись и поплеывая на пальцы.

– Вы хотите проехать в город, – продолжал офицер, – что значит для вас денежный риск? Я предлагаю пари за вашу смерть в продолжение трех недель. Идет? Два против одного?

– Мне некогда, – холодно возразил Рег, натягивая поводья. – Поищите кого-нибудь попредприимчивее.

– Вы обиделись, может быть... – Офицер щелкнул пальцами. – Это теперь в ходу даже среди дам. Как хотите. Дорога освободилась.

Рег покачал головой, отъехал и оглянулся. Маленький огонек сигары чертил за его спиной размашистые зигзаги. Лошадь пошла крупной усталой рысью. Потянулись дома, кое-где щели ставен теплились глухим светом; безлюдье делалось утомительным; слабый ночной ветер относил за городскую черту запах карболовой кислоты и отцветающих померанцев.

На повороте одной из улиц всадник бессознательно остановился, изумленный отчетливой тишиной города. Слева зи-

ял переулоч, изборожденный полустертými каменными ступенями; крик страха раздался в дальнем его конце, затрепетал и перешел в пронзительно-высокую ноту женского голоса – выразительный вопль насилия или безумия, вслед за которым неизбежно ожидание беспорядочной человеческой толпы, стремящейся из домов на помощь. Лошадь зафыркала, косясь в темноту. Рег насторожился, прислушался и поскакал прочь. Крик преследовал его за углом и дальше, то усиливаясь, то ослабевая; расстояние не спасало Рега от цепкой муки неизвестного человека. Был момент, когда Рег хотел повернуть обратно, но пожалел времени.

– Так, так, – сказал он самому себе, – прямая дорога труднее.

Растрепанный силуэт медленно идущего человека остановился посередине улицы и протянул руки. Путешественник с силой удержал лошадь, без возмущения и удивления, – действительность начинала терять для него свою логическую связь.

– Постойте-ка, – сказал неизвестный, – вы едете на своем жарком.

– Я тороплюсь.

– Не торопитесь.

– Что вы хотите?

– Отнять у вас пять минут. Не трогайтесь с места, или я плюну вам в грудь. Я заражен.

Рег инстинктивно согнулся, его внимание ушло целиком

на этот нелепый силуэт с чумным плевком во рту. Человек, утомленно передвигая ноги, подошел ближе; лицо его невозможно было разглядеть, в темноте оно казалось то молодым, то старым. Он задыхался.

– Вы едете на своем жарком. Когда ваша лошадь обнажит свои ребра от голодухи, вы ее скушаете. Советую кормить животное хорошенько, потому что бифштекс может оскандальиться.

– Любезный, – сказал проезжий, – вы умираете, а я жив и даже еще не болен. Пропустите меня, пожалуйста.

Силуэт поднял обе руки к лицу, сложив их как для молитвы в крепком сцеплении пальцев, и потряс ими в воздухе.

– Я – парусник¹, – прошипел он, – я очень прошу вас запомнить, что фирма «Кропет и компания» за сорок лет своей грабительской деятельности не видела более искусного мастера, чем я. Запишите, пожалуйста, на бумажке: Илия Денсон, парусник, сорока шести лет, околевает на улице. Это я.

Он, видимо, почувствовал головокружение, потому что сел на мостовую, обнял колени руками, хрипло заплакал и склонился к земле. Рег отъехал в сторону; агонирующее тело медленно пошевеливалось перед ним, темное, на черной мостовой, в пыли и безмолвии.

– Умираю! – подползло к лошадиным копытам.

– Спокойной смерти! – Рег снял шляпу, дернул повод, и Денсон остался у него за спиной. Крыши, сосредоточенные

---

¹ Парусник – здесь: парусных дел мастер.

газовые фонари, говор копыт, – все это, слишком обыденное вчера, лежало теперь в области страха. Страх мчался бок о бок с Регом, нога в ногу с копытами его лошади. Рег чувствовал его, но только не внутри, а вовне, он проезжал город с холодным уважением к обреченному узлу жизни; последнее, что могла дать его душа, слишком нетерпеливая для того, чтобы сострадать или бояться. Впрочем, подъезжая к городской черте, он ожидал худшего: сплошного гниения и содома; до сих пор ожидания эти казались преувеличенными.

На углу двух больших улиц Рег замедлил ход лошади и осмотрелся. Ему нужен был живой человек для справки о другом, тоже, может быть, живом человеке. Продав несколько времени, он переехал небольшую площадь и облегченно вздохнул: в самом конце ее, у спуска к докам, из окон нижнего этажа громоздкого каменного дома падал на мостовую щедрый свет ламп. Этот уголок площади, по сравнению с остальным ее сонным пространством, выглядел уютно и живо.

Подъехав ближе, Рег по выставке окон, где были расположены в известном порядке стеклянные вазы с кофе и серым цветочным чаем, понял, что это большой, даже солидный магазин. Его двери, окованные стальными листами, были не заперты, а прикрыты; замки отсутствовали; довольно большая щель пропускала неясный шум. Рег спешился, привязал повод к решетке окна и стукнул кулаком в дверь. Шум внутри стих, – кто-то закричал изо всех сил: «Войдите!» –

и хлопнул в ладоши.

Путешественник оттолкнул массивную дверь и остановился, смущенный большим количеством людей, сидевших во всевозможных позах на прилавке, корзинах с фруктами и на полу. Оглушительный рев приветствовал его появление, вытаращенные, мутные глаза, потные лбы и полтора десятка круглых от крика ртов заставили Рега отступить назад. Крик усилился до того, что задребезжали стекла висячих ламп. Невозможно было разобрать, в чем дело, но бледные искривленные физиономии людей этой толпы ярко напомнили Регу парусника Илию Денсона и офицера, выигрывающего у смерти.

II. Бакалея Соррона

То, что успел рассмотреть Рег, прежде чем попал в плен к неизвестным людям, находившимся в магазине, поразило его сумбуром, не лишенным, однако, некоторой таинственности. Сводчатый потолок сиял огнем ламп; на полках, в углах и оконных нишах громоздились товары, но порядок их был чем-то нарушен, словно здесь хозяйничали торопливые воры. Между прилавком и автоматической кассой помещался низкий большой стол или, вернее, мостки, наскоро сооруженные из пустых деревянных ящиков; стол сплошь был завален раскупоренными жестянками с соусами, окороками, изюмом в белых полотняных мешочках, консервами, баллонами с привозным вареньем, пряностями и сладостями; все это, полураздавленное и разорванное прямо пальцами, походило на ужин голодных людоедов, разгромивших торговлю. Винные бутылки, группами и отдельно, стояли во всех концах помоста. Четыре женщины, опухшие от бессонницы и вина, сидели на корзинах с гранатами; нетрезвые движения их сопровождались одобрителем хриплым криком. Всего было человек двенадцать или пятнадцать, у всех блестели глаза.

– Что это значит? – спросил Рег, останавливаясь у двери. – Разве я вымазан сажей или кажусь вам очень смешным?

Раскаты смеха взбесили его; он побледнел, но сдержался.

Жирный человек без сюртука, в вязаном красном жилете, вплотную подошел к Регу, добродушно расставив руки.

– Чему вы удивляетесь, почтеннейший? – с пьяным лукавством сказал он. – Здесь только свои. Располагайтесь. Мы вас не знаем, но, как видите, доверяем вашей признательности за возможность хорошо провести вечер. Доверьтесь и вы. Впрочем, что вас долго томить: мы вам салютовали и производили бурный шум потому, что вы четырнадцатый.

– Четырнадцатый? – повторил Рег, плотно стиснутый у косяка ожерельем из красных и бледных лиц. – Но я желал бы быть пятнадцатым или нулем. У меня болят уши.

– Это пустяки, – возразил красный жилет. – Имейте терпение. Нас было тринадцать. Число это опасно, так как собравшиеся не могут забыть свое количество. Это отражается на состоянии души. Мы ждали четырнадцатого. Ваш приход разрушил противоестественную арифметику. Тринадцать выдумали наложники сатаны и люди, бледнеющие при виде задремавшего таракана. Садитесь здесь с нами, пейте, и кричите, и пойте, пока не рассыплетесь в пух, прах, перья и еще другие мелкие предметы!

Рег улыбнулся. Человек в красном жилете был широкогруд и кругл; на могучих его плечах сидела распухшая голова ребенка с дряблыми веками. Пухлый рот напоминал большую сургучную печать. Он говорил без запинки, тонким благочестивым голосом.

– Я хочу узнать, – сказал Рег, – жив ли и где находится

доктор Глед? Я приехал для этого. Если вы знаете его адрес, то скажите. Я тороплюсь.

– Вы приехали? – унылым голосом спросил фронт с помятым лицом женщины.

– То есть вы сами, добровольно приехали сюда?

– Сам. А что?

Фронт пожал плечами и засмеялся.

– Вы можете умереть здесь, – пояснил он, – потому что отсюда не выезжают. Мне жаль вас.

– Благодарю, – сказал Рег, – но мне более жаль вас, чем себя. Я выеду.

– Не слушайте его! – закричал человек в красном жилете. – Приезжайте, уезжайте сколько хотите. Ваши дела нас не касаются. Глед? Я не знаю Гледа, но знаю Фейта. Фейт – сам доктор, молодой человек. Его здесь нет, но он непременно будет и даст вам все нужные сведения. Фейт молодчина: знаете, он сбежал из больницы. Я не хочу, говорит Фейт, понимаете? Я, говорит, – доктор, но лечить не обязан. Кто прав? Мы оставили этот вопрос открытым. Я – Соррон, Соррон тысячу раз, хозяин; магазин этот мой и гости мои. Я свихнулся и безобразничаю. Моя племянница умерла вчера, это была премилая девушка. Не смущайтесь беспорядком; я торговал сорок лет, и мне надоел порядок, надоел порядок, надоел окончательно и бесповоротно. Я одинок. Все одиноки. Я умру. Все умрут. Тоже порядок, но скверного качества. Я хочу беспорядка. Хочу есть горчицу с компотом, пить про-

ванское масло с ликером, вымазать щеки соусом, грызть окорок зубами и плевать в лампу. Это божественное в человеке. Какая прелесть! Не нужно приборов, ножей и вилок, салфеток и десертных тарелок, – ломайте зубы и пальцы, ешьте, и трам-тарарам! Четыре женщины! Вон та, темненькая, была недурна три года назад, но много возлюбила и за это наказана. Не обращайтесь внимания! Соррон веселится в пределах своего магазина. Садитесь! Фейт? – Он придет, говорю я вам. Сядьте!

Толпа, окружившая Рега, хлынула вместе с ним к помосту, и бутылки замелькали в воздухе. Рег сел на первую попавшуюся корзину; о нем сейчас же забыли. Каждый говорил, не слушая других, но воображая, что на нем сосредоточено исключительное внимание. Две женщины, обнявшись и ругая друг друга, пели двусмысленные куплеты. Грустный мулат объяснял отставному полковнику преимущество двойного удара в подбородок. Франт возбужденно говорил всем о тягости жизни, сопровождаемой бесчисленными смертями; по его словам, это действует на пищеварение.

Рег молча следил, пораженный, по-видимому, действительно приятным состоянием духа каждого из собравшихся; едва уловимый, капризный тон голосов и жестов производил странное впечатление. Так вели бы себя миллионеры, вынужденные кутить в сельском кабачке; позы и лица носили высокомерный оттенок. Он посмотрел на часы, решил до

десяти ожидать Фейта, налил в пустую жестянку из-под монпансье чего-то спиртного и выпил. Соррон встал, опираясь маленькими веснушчатými руками о край стола.

– Произношу тост, – заявил он, – я говорю. Что происходит в городе? В конце концов мы помрем. К этой мысли привыкли. Это не торпеда, не удар по голове и не оскорбление. С этим освоились. У меня путаются в голове три вещи: жизнь, смерть и любовь – за что выпить? По логике вещей я должен выпить за смерть. А впрочем...

Он лизнул пальцы, щелкнул ими над головой полковника, а Регу на мгновение показалось, что это обмусленная рука ничтожества перелистывает Великую Книгу.

– Впрочем, – продолжал Соррон, – я буду оригинален. Пью за ожидание смерти, называемое жизнью; может быть, это тонко для вас. Кроме того, мы имеем все причины жаловаться. Наступил голод, рабочие и негры осаждают торгующих, требуя дешевых цен; торговля в убыток; лучше не торговать совсем. Я так и сделал. Я ликвидирую. Кричите, делайте шум, кричите!

Он закричал сам, и полтора десятка вспотевших от напряжения людей ответили ему яростным воем, стуча ногами и кулаками. Над столом поднялись седые усы полковника.

– Я пью, – сказал он, небрежным жестом обращаясь ко всему обществу, – за белые волосенки моей дочери. В следующем месяце ей было бы одиннадцать лет. Она – сто двадцать шестая или первая в этом счете. Еще одно маленькое

примечание: сегодня умерло четыреста восемьдесят два человека, из них сто двадцать шесть белых.

Он взмахнул стаканом и раскланялся, в глубоком молчании остальных. Лицо его продолжало оставаться все тем же пьяным и вежливым.

Взбешенный кощунством пьяного идиота, Рег встал, желая что-то сказать, еще темное для себя, но в этот момент грянул пухлый удар выстрела, с верхней полки, играя разноцветным блеском, полетели, звеня, осколки чайной посуды. Женщины завизжали. Рег успел заметить в облаке порохового дыма кофейную руку, вторично поднимающую револьвер; мулат облюбовал красивую фаянсовую вазу с печеньем, прицелился, нажал спуск, и белые сухие лепешки, шелестя, посыпались из разлетевшегося сосуда.

– Что вы делаете? – закричал Соррон.

– Очень смешно. – Мулат хихикал. – Я могу еще выстрелить, у меня глаз верный.

Апельсин, пущенный с другого конца помоста, ударил его в нос. Мулат дернул головой, как лошадь, остолбенел и разразился ругательствами. Второй апельсин задел его по уху; жесткие гранаты, орехи, бананы, мандарины, куски дынных корок, свистя, прорезали воздух, шлепаясь то в голову мулата, то в стену за его спиной; он завертелся, взвыл и потряс револьвером.

Оглушенный, с отвращением и досадой, Рег встал, намереваясь уйти, но в этот момент пришел Фейт, и свалка окон-

чилась. Доктор появился с двумя собаками: шотландским сеттером и волкодавом; шум прекратился, взоры всех обратились к двери, куда повернулся и Рег.

Он увидел хорошо сложенного мужчину в белом костюме, белокурого и медленного в движениях; к его утомленному лицу с выпуклым белым лбом очень шел галстук цвета подгнивших листьев. Фейт был пьян, бледен, но среди пьяных же казался трезвее, чем прочие. Раздались крики:

– Вы очень запоздали!

– Привет ренегату!

– Привет доктору!

– Эскулап не замарал лап!

– Умирующие приветствуют тебя! – сказал фронт.

– Приветствую умирающих! – любезно ответил Фейт и сел боком на стол, ударяя хлыстиком с серебряной рукояткой по ореховой скорлупе. – Я утомлен, господа, но еще выпью с вами и побеседую. Щекотно жить на свете.

– Я хочу узнать, – сказал Рег, – жив ли и где находится доктор Глед. Не знаете ли вы, господин Фейт? Я хочу найти этого человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.